

Бесконечное

Дождь как цитата из Брэдли.

Юные – умерших каверы,

Тропы усеяны перьями

Крыльев

– вчekanено в аверсы, –

Дождь как забвение времени.

Миги бьют дробью по вечности,

Память как всадник без стремени,

Вдох

– тополиною клейкостью, –

Дождь проникает в извилины

Нор, что проедены душами

Тёплыми, гневными, сильными.

В Духе

– опутано кружевом –

Дождь голограммой адовой,

Струи – поток неизжитого,

И я сижу, грежу радугой.

В ливне

– завесой сокрытое –

Дождь обнажает пред судьями.

Прошлое множится каплями,

Сумерки делятся сутями

Правд

– словно мягкими лапами, –

Дождь гладит кожу дремотою.

Судьбы, отдраены севером,

Дождь нам вернёт с неохотою

В руки

– цитируя Брэдли, –

Дождь словно мёртвые каверы.

Дождь – это рондо бескрайнее.

Дождь высекает на аверсах

Воронов

– рваными стаями, –

Дождь грезит мною и радугой.

Кости швырнув в молох времени,

Дождь не трепещет пред ладаном

Птицей

– усеянной семенем, –

Дождь тешит землю надеждою...

Каракумлык

Соком, как маслом, под жаром весенним сочится земля.
Синего неба ветра распевают в тугаях Коран.
Путь, что не пройден, зенитом Сатурна венчает петля.
Я – Самарканд, где орешник в цвету, – вишней время
цвести, Бухара.

Что мне Джейхуна разлившийся жизнью и смертью поток? –
Селем в такыры выносит алмазы безумный Маджнун.
Кровью пишу – да впитает её, словно воду, песок:
«Я опьянён: за забвенья рекою ты маком цветёшь,
Кызылкум».

Лестница в никуда

Так хочется порой смотреть во тьму –
Пустую, без синонимов и смыслов.
Сколь огуманен, говорят, сей вызов:
Смотреть в ничто, быть должным никому.

Так хочется порой лететь на свет
Без страха, без сомнений и без тлена,
Как феникс, когти вырвавший из плена,
Сиянием небес творить ответ.

Так хочется порою просто быть:
Дышать водой, огнём лаская кожу,
Как зверь, печаль твою сжигать на ложе,
Драконом меж течений звёздных плыть.

Но пусть Бог-Свет, хранимый Богом-Тьмою,
Средь вечностей возлюбит нас покоем.

Тайная жизнь татарских поэтов

На озере Чад рыбаки одиноко
Неводом тянут улов.
И бродит вокруг, как жираф темноокий,
Русский шпион Гумилёв.

Он знает, что где-то в полуночных странах,
Диких и мёртвых на вид,
В галдящем бедламе Ахматова Аня,
Знойная телом, не спит.

В руке её тонкой абсент с папиросой
Нервно и мелко дрожит.
И взглядом со сцены монгольско-раскосым
Хлебников манит в Коцит¹.

В антракте Сен-Санса библейским пророком,
Миру не дав малый шанс,
Играет квартет. И предчувствием рока
Город укрыл декаданс.

Часы на стене отсчитают мгновенья,
Стает тринадцатый год.
Анюта томится желаньем с сомнением:
Бунин глядит словно кот.

Не знает она, что в далёкой саванне,
Скинув винчестер под тент,
Ласкает грудь смуглой трепещущей лани
Тайный Генштаба агент.

¹ Коцит – озеро грешников.

РОК (акrostих)

Ветер воет – джин не греет:
Если с запада повеет –
Рвутся паруса;
Если с севера ворвётся –
Снежной мглою смерть вопьётся
Кормчему в глаза.

Ждут в порту и ром, и дева –
Ангел ласки, рай для чрева,
Солнце поутру.
Море хлещет нас плетями
И торопит стать гостями
Ньёрда на пиру...

Адский вой охоты дикой,
Дрожь вселенной, молний пики –
Он спустил зверей!
Небеса сомкнулись с морем –
И судьба венчаться с горем
Суженой моей.

Ангел даст ей утешенье:
«**К**апитана прегрешенья
Океан забрал».
На пустой могиле крокус,
И вода – десница рока –
Точит корни скал.

Кипарис

Гвоздями сшит, укрыт сосной,
Оструганной до терпких слёз.
В четверг утихнет скрип колёс –
Суббота принесёт покой.

Пусть степь чернеет саранчой
И жаден, липок, цепок взгляд,
Изъевший плоть, как кислый яд, –
В субботу обрету покой.

Вселенной шум – москитов рой,
Как в мире мёртвых – звук живых,
Как эхо преданных святых,
Субботой внявших свой покой.

О словах

Всем добрый вечер! Всем, причастным к слову,
Кто будит словом ум – иль плоть девиц,
Всем, кто несёт на языке оковы
И в слове ищет выход из темниц,

И тем, кто, как Прокруст на жёстком ложе,
Слова кромсает в перекрестьях строк,
До крови, кости, с плеч сдирая кожу,
Чтоб крыльев свет их оправдал порок, –

И тем, кто, как рыбак в преддверье шторма,
Забросив невод, ждущий свой улов,
Чтит бога смыслов и богиню формы,
Отдавшись воле первородных слов,

Что точат нас, как воды точат скалы,
В песок стирая бытия гранит,
Надежды нашей лунный свет опалов
И истины заклятый малахит.

Итог нам – камень, дети звёздной пыли!
Судьба – стать в яшме тонкою чертой.
Но мы, сердца покуда не остыли,
Наполним домны жизни слов рудой.

И пусть наш голос тонет в белом шуме,
Пусть громче алчный, слаженный их хор,
Мы – не они! – для мира вечный блюминг!
Мы – ляжем в основанья новых гор!